

6. Гуйванюк Н. Слово – Речення – Текст : Вибр. праці / Ніна Гуйванюк. — Чернівці, 2009. — 664 с.
7. Дяків В. “Фольклор чудес” у підрадянській Україні 1920-х років / Володимир Дяків. — Львів, 2008. — 256 с.
8. Жайворонок В. Українська етнолінгвістика: деякі аспекти досліджень / Віктор Жайворонок // Мовознавство. — № 5. — 2001. — С. 48—63.
9. Непоп-Айдачич Л. Польська когнітивна етнолінгвістика: Навчальний посібник. / Лідія Непоп-Айдачич. — Київ, 2007. — 336 с.
10. Руснак Н. Лінгвокогнітивні та прагматичні виміри діалектних текстів буковинських говірок / Наталія Руснак. — Чернівці, 2009. — 448 с.
11. Українські східнослов'янські говірки: сучасні діалектні тексти / Упор. К. Глуховцева, В. Лєснова, О. Ніколаєнко. — Луганськ, 2011. — 424 с.
12. Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja: Jerzy Bartmiński. Zastępca redaktora: Stanisława Niebrzegowska. — Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1996.

УДК 811.161.1'42

Л. Р. Савченко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Языковая концептуализация ОБИДЫ:
вариации на тему одной из работ И. И. Срезневского**

Савченко Л. Р. Мовна концептуалізація образи: варіації на тему однієї з робіт І. І. Срезневського. Стаття містить реконструкцію національно-специфічних смислів російського концепту ОБИДА в співставленні з українськими словами ОБРАЗА, ОБРАЗИТИ. Особлива увага приділяється значенню етимонів відповідних слів.

Ключові слова: *етимон, внутрішня форма, концепт, дискурс, оповідь.*

Савченко Л. Р. Языковая концептуализация обиды: вариации на тему одной из работ И. И. Срезневского. В статье осуществляется реконструкция национально-специфических смыслов концепта ОБИДА на фоне сопоставления с украинскими словами ОБРАЗА, ОБРАЗИТИ. Особое внимание уделяется этимонам соответствующие слов.

Ключевые слова: *этимон, внутренняя форма, концепт, дискурс, нарратив.*

Savchenko L. Linguistic conceptualization of the notion “offence”: variations on a theme from a work by Izmail Sreznevsky. The study focuses on the reconstruction of cross-cultural roots of the word “offence.” The study is performed to compare the Russian word to its Ukrainian counterparts, such as “resentment” and “to insult.” Particular attention is paid to etymons of the corresponding words.

Key words: *etymon, internal form of a word, notion, discourse, narration.*

Биографы И. И. Срезневского отмечают выпускное сочинение (диссертацию) «Об обиде», за которое в 1829 году он получил степень кандидата на этико-политическом отделении философского факультета Харьковского университета. Ко времени поступления в университет будущему академику было всего 14 лет, а выпускную работу он написал в возрасте 17 лет. Текст этой диссертации не сохранился, поэтому трудно судить о причинах, подтолкнувших автора к выбору такой темы. Была ли эта работа сублимацией

детских и юношеских обид или же в ней отразилось предчувствие значимости темы для философии (Ф. Ницше, М. Шеллер, Н Бердяев), неизвестно. Остается констатировать: эта тема не имеет ничего общего ни с темой магистерской диссертации И. И. Срезневского – «Опыт о сущности и содержании теории в науках политических», ни с темой его докторской диссертации – «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии», ни с темами его работ, связанных с историей, этнографией, библиографией,

археологией, историей древнерусской литературы; текстологией и т.п. Тем не менее в логике общей культурной и антропологической направленности исследований ученого просматривается глубинная связь. Так, обида, которую будущий этнограф мог рассматривать в плане этических проблем, в контексте современной лингвокультурной реконструкции языковой картины мира предстает как национально маркированный концепт. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, как достижения сопоставительного языкознания, в развитии которого принимал участие И. И. Срезневский, соотносятся с проблематикой лингвокультурологической концептологии.

Внимание к нюансам человеческих отношений считается одним из ключевых сквозных мотивов русской языковой картины мира. Во многом характер этих отношений регулируется представлениями о справедливости, а сама справедливость осознается как чисто русский концепт [4; 5:103]. С представлениями о «справедливом» и «несправедливом» концептуально связана и ОБИДА – «чувство жалости к себе, соединенное с претензией к другому» [5:103]. Анна А. Зализняк, один из авторов коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира», определяет обиду в качестве национально специфического чувства. Основанием такой квалификации является отсутствие точного эквивалента этому слову в английском, французском или немецком языке. Ср.: «<...> такие слова, как англ. *to offend, offense*, франц. *offenser, offense*, нем. *beleidigen, Beleidigung*, иногда приводимые в словарях в качестве перевода слов ОБИДЕТЬ/ОБИДА, на самом деле имеют значение, соответствующее русскому ОСКОРБИТЬ, ОСКОРБЛЕНИЕ, т.е. заключают в себе совсем иной концепт, в центре которого находится представление не о справедливости, а о чести» [4:109]. Национальную специфику ОБИДЫ поддерживает ее интерпретация как чувства жалости к себе, а ЖАЛОСТЬ в русском варианте – это разновидность любви. В контексте ОБИДЫ такая интерпретация ЖАЛОСТИ переводит ее в ряд психологических проявлений самолюбия.

Связь ЖАЛОСТИ со СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ не столь очевидна, а многоликость ОБИДЫ побуждает рассмотреть способы ее вербализации в языке и контексты, интерпретирующие суть этого чувства. Как и большинство предикатов чувства и эмоциональ-

ного состояния, ОБИДА представлена в номинативном ряду словообразовательно связанных слов: ОБИДЕТЬ, ОБИДА, ОБИДНЫЙ, ОБИДЧИВЫЙ, ОБИДНО и т.п. Соответствующее словообразовательное гнездо, содержащее 37 единиц, организовано вокруг глагола ОБИДЕТЬ. Этот глагол обозначает действие одного субъекта, каузирующее состояние Другого, которое и определяется словом ОБИДА. Суть этого действия расценивается как «несправедливость, несправедливый поступок, поведение по отношению к кому-либо, незаслуженное оскорбление» [7, 2:533]. Такое толкование не исчерпывает смысла этого слова. В нем объединяются разные предикатные планы: **восприятие** актуального события или сообщения, интерпретация того, что воспринимается, **логический вывод** о характере происшедшего и **результатирующая его оценка**. Сутью феноменологии обиды является переживание несправедливости¹. Анна А. Зализняк, рассматривающая этот концепт в семантической сфере ЩЕПЕТИЛЬНОСТИ, в духе А. Вежбицкой моделирует его содержание так:

- а) другой человек сделал нечто
- в) этим он сделал мне нечто плохое (= нанес ущерб)
- с) я считаю, что он не должен был этого делать (= это несправедливо)
- (потому что он ко мне хорошо относится)
- д) поэтому мне плохо
- е) поэтому я чувствую нечто плохое по отношению к этому человеку» [4:107].

Внутренняя форма глагола ОБИДЕТЬ, как и его дериватов, столь важная для понимания характера языковой концептуализации, может опознаваться в паронимических связях со словом БЕДА. Элементы толкования Анны А. Зализняк, связанные с двойной семой 'плохой', как будто поддерживают психологическую связь этих слов. Предположение об этимологической связи слов ОБИДА и БЕДА неоднократно высказывали авторитетные лингвисты. М. Фасмер, фиксирующий подобную этимологизацию, считает ее неубедительной² и связывает слова

¹ «Чувство горечи, досады, вызываемое несправедливым, оскорбительным отношением к себе» [7, II:533]

² «Менее убедительно предположение о родстве с беда, которое представлено у Миклошича (Mi. EW 12), И. Шмидта (KZ 23, 339), Уленбека (Aind. Wb. 189), Маценауэра (LF 11, 337 и сл.), Младенова (365), Преобр. (I, 627), особенно у Калимы ("Neuphilol. Mitt.",

ОБИДЕТЬ и ОБИДА с глаголом ВИДЕТЬ¹ [10:100]. В связи с такой интерпретацией отметим, что перцептивное значение для современного слова ВИДЕТЬ является первичным, а вторичное значение формируется как интенциональное (точка зрения). Эта многозначность поддерживает глубинную связь этимона слова ОБИДА и внутренней формы соответствующего концепта. Вот как характеризует смысловую структуру концепта ОБИДА Анна А. Зализняк: «Обида предполагает одновременность двух различных – и противоречащих друг другу – взглядов на вещи: <...> это что <обидчик> меня <любит> и что он меня <не любит> или что его негативное мнение обо мне <справедливо> и <несправедливо>» [4:106]. Как видим, внутренняя форма концепта «схватывает» конфликт разных позиций.

Особенности внутренней формы концепта, как и этимонов связанных с ним слов, важны для идентификации национально-специфических смыслов. Сравним русское слово ОБИДА с аналогичным словом ОБРАЗА в украинском языке. Сразу же обращает внимание различие семантической и словообразовательной мотивации: украинское слово является префиксальным образованием от праславянского RAZЪ, RAZITI. В ссылке на Брюкнера в «Этимологічний словник української мови» устанавливается связь с глаголом ОБРАЗИТИ в значении «ударить, разбивать» [11:142]. В «Словник староукраїнської мови 14–15 ст.» зафиксировано слово ОБРАЗИТИ в значении «искалечить, нанести телесное повреждение». Слово дается с указанием (в скобках) на старочешский и старопольский языки [12, 2:70]. Действительно, в польском языке есть слово OBRAZA, которое имеет значение «обида и оскорбление», а также URAZA с более узким значением – «просто обида». По семантической и эмоциональной нагруженности OBRAZA – более сильное слово. В украинском языке тоже есть слово ВРАЗА (УРАЗА),

но оно считается устаревшим². Нет оснований исключать возможность заимствования этих слов из польского языка. Это могло бы объяснить широкую синонимию слов этого ряда, включающего и слова КРИВДА, КРИВДИТИ. В толковании современного значения украинского слова ОБРАЗА в отличие от русского слова ОБИДА нет семы «несправедливость». Словарное значение в «Тлумачний словник української мови» в этой позиции фиксирует иную сему – «зневажливість» (пренебрежительность). Ср.: «ОБРАЗА, и, ж. 1. Зневажливе висловлювання, негарний вчинок і т. ін., що спрямовані проти кого-небудь і викликають у нього почуття гіркоти, душевного болю. 2. Почуття гіркоти, досади, викликане в кого-небудь чимсь зневажливим словом, негарним вчинком і т.ін. [9, 5:561]. Как видим, в этом толковании не только нет смыслов «несправедливость» и «несправедливый», но и «незаслуженный». В то же время в толковании украинского слова просматривается обвинительный уклон (фиксируется целенаправленность – «спрямовані проти»). Значение, близкое украинскому слову ОБРАЗА, в русском языке передается глаголом ОСКОРБИТЬ. Ср.: «ОСКОРБИТЬ, оскорблю, оскорбишь, **совер.** (к оскорблять), **кого-что**. Крайне унижить, обидеть, причинить моральный ущерб, боль кому-чему-нибудь» [7:647]. Значение украинского слова оказывается не только более широким, оно связано с концептом «ДОСТОИНСТВО» (укр. «ГІДНІСТЬ»), которые имплицитно семой «пренебрежительность» (укр. – «зневажливість»). Более того, в украинском языке слова ЧЕСТЬ и ГІДНІСТЬ, соответствующие этому концепту, могут выступать в функции прямого дополнения к слову ОБРАЗИТИ, что невозможно для русского глагола ОБИДЕТЬ. Так, в переводе с украинского – «Чому ж тоді жодний з ображених галичан не подав на міністра до суду, якщо вважає, що Дмитро Володимирович дійсно **обравив** його **честь** і національну українсько-галицьку **гідність**?³» – требуется русский глагол ОПОРОЧИТЬ или ОСКОРБИТЬ, но не ОБИДЕТЬ.

1948, 66 и сл.; 1949, 225 и сл.; 1950, 38 и сл.; ZfslPh, 21, 94 и сл.)» [10, 3:100].

¹ ОБИДЕТЬ, по Фасмеру, происходит «из *ob-videti (ср. <...> видеть, *vidomъ), обида из *obvida, ср. завиды "зависть"; см. Мейе, Et. 256; MSL 14, 351; Бернекер 1, 54; Брандт, РФВ 21, 208; Педерсен, Mat. i Pr. 1, 170; Ляпунов, ИОРЯС 31, 33. Ср. знач. обизор <...>, а также лат. invidia "зависть, недоброжелательство", invidere "завидовать, желать зла", а также ненавидеть»

² ВРАЗА 1 (УРАЗА), и, ж, заст. Несправедливо заподіяна образа, прикрість. Вона ніколи не зносила врази й зневаги від братів і сестер (Ольга Кобилянська, П, 1956, 306); 9, 1: 758].

³ Источник: http://news.liga.net/news/society/663925-tabachnik_schitaet_cho_krasavitsy_v_aspiranture_ne_ucha_tsyu.htm.

Слова ОБИДЕТЬ и ОСКОРБИТЬ в современном русском языке концептуально разошлись, но их смысловое поле пересекается и может объединяться, в частности, предикатом 'всякая неправда', который фиксирует в толковании имени ОБИДЫ В. Даль. Ср.: «Обида ж. обижда **ряз. тул.** всякая неправда, тому, кто должен переносить ее; все, что оскорбляет, бесчестит и порицает, причиняет боль, убыток или поношение» [2:583–584]. В украинском языке значение 'всякая неправда' связано с глаголом КРИВДИТИ, который иногда употребляется в значении «обидеть». Этот глагол связан со словом КРИВДА¹, в котором фиксируется и значение «несправедливость». В толковании значение русского слова *обида* расширяется и включает в свое значение сему 'нанесение ущерба, в том числе и материального'. В этом значении слово *обида* использовалось в качестве юридического термина вплоть до 20 в. В настоящее время это слово используется в историческом и церковно-религиозном дискурсах.

Думается, что концептуальная семантика этих слов в украинском и русском языках имеет дополнительную особенность, которая связана с понятием «личной сферы говорящего». В личную сферу говорящего «входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально<...>». Личная сфера говорящего подвижна – она может включать большее или меньшее число объектов в зависимости от ситуации. [1, 645–646]. В любом диалоге личные сферы участников общения должны быть либо согласованы, либо защищены конвенционально. И согласование, и защита личной сферы разных субъектов предполагает осознание взаимобусловленности их ценностных приоритетов. Это проявляется в гарантиях уважения личности каждого, что обеспечивается, в первую очередь, соблюдением правил вежливости, требующих тактичности и деликатности в отношениях людей. В разности личных сфер таится возможность недооценки Другим чего-то очень важного, что вызывает чувство жалости человека к самому себе (мне обидно) или протест против несправедливой

оценки, если она касается близких ему людей (это несправедливо).

Обвинительный уклон в семантике украинского слова ОБРАЗА и конфликт разных позиций в семантике русского слова ОБИДА соотносятся с дискурсивной сублимацией этого чувства в различные действия, – как речевые, так и неречевые. Ответная реакция на обиду имеет характер бумеранга: грубость, угроза, месть, разрыв отношений. В конфликтных ситуациях наблюдается диатеза коммуникативных ролей: обиженный становится обидчиком².

Форма слов, называющих участников отношения – ОБИДЧИК и ОБИЖЕННЫЙ, называются также по-своему значимыми. Каузатор обиды – ОБИДЧИК (в украинском языке – КРИВДНИК, от – СКРИВДИТИ) – определен номинацией с прозрачной морфемной структурой. Будучи производным, это слово связано с таким словообразовательным значением: *«тот, кто производит действие, названное мотивирующей основой»*. Обидчик тем самым предстает как активная и деятельная инстанция. Но не забудем, что квалификация чего-либо в качестве обиды основывается на логическом выводе – *любит/ не любит; уважает/не уважает*, в содержании которого эта активность никак не отражается. Второй участник отношения (*обиженный*) – семантический бенефициант (*«тот, в ущерб которого совершается действие»*) – представлен субстантивированным причастием, которое на уровне морфемной структуры сохраняет оттенок «страдательности» и категориальную «процессуальность». Обидчик чаще всего каузирует негативные чувства непроизвольно, нанесение обиды не всегда входит в его намерения, а негативные чувства вызывает «приращенный» к происшедшему смысл, который и переживается как обида.

¹ Ср. словарное определение: «КРИВДА, и, ж. 1. Неправедливый учинок щодо кого-, чого-небудь, неправедливе ставлення до когось, чогось; неправедливість (у 2 знач// Образа, уразу. 2. Те саме, що *шкода*. 3. нар.-поет. Те саме, що *неправда*)» [9, 4:338].

² Так, на прозвучавшую в украинских СМИ реплику высокого государственного чиновника "Думаю, что не открою Америку, если скажу, что в магистратуре, аспирантуре учатся девушки с менее яркой, привлекательной, модельной внешностью", представленную в интернет-сообщении в таком варианте, – «Напомним, ранее Табачник заявил, что обычно в магистратурах и аспирантурах учатся не особенно красивые девушки», последовал интерактивный комментарий украиноязычного пользователя интернета: «Ну і дібіл табачник, зайді до мене в друзі в контакті, там всі дівчата з Аспірантури та магистратури, і хай в тебе щелипа відвисне»)). Как видим, пользователь, обиженный за «ученых девушек», сам становится обидчиком, хотя обида повышается в ранге и становится оскорблением.

Страдательное причастие как нельзя лучше передает это состояние, а вот агентивность, связанная со словообразовательной структурой слова *обидчик*, имплицитно сему 'виновности'/обвинения, которая, как мы уже видели, есть в украинском слове ОБРАЗА. В реальном общении намеренность действий подобного рода связывается с манипуляцией, опознается не сразу и требует разоблачения. Как представляется, подобная морфологическая и словообразовательная асимметрия в номинациях участников ситуации, связанной с обидой, обнаруживает иконический изоморфизм.

Для реконструкции содержательных планов концепта *обида* не менее информативным является синтаксический контекст, который «поставляет» материал для концептуальной развертки содержания чувства. Поскольку обида, как отмечалось выше, сопряжена с логическим выводом бенефицианта, покажем, как формируются его основания. В возникновении любой эмоции существенную роль выполняет восприятие. В нашем случае предметом восприятия чаще всего оказывается речь или действие Другого, которые квалифицируются как *обидные*. Содержание этого прилагательного сводится к интерпретирующему предикату 'каузирующий обиду'. Поводом для обиды могут стать слова, выражение лица, шутка, прозвище, жест, упрек, молчание, тон, сравнение и т.п. Каждая из перечисленных сущностей может стать пропозициональным или именным актантом интерпретирующего предиката. Ср. *Х (ничто) показалось У – у (кому-то) обидным*; *Х (некто) счел У (что-то) обидным*. Логическая компонента, о которой шла речь выше, позволяет квалифицировать сообщение об обиде как особый тематизированный дискурс.

Содержание сообщений в этом дискурсе чаще всего содержит описание состояния обиды (нарратив) или же высказывания претензий к Другому, – собственно дискурс как коммуникативное событие. В нарративе обида, будучи собственным или чужим эмоциональным состоянием, предстает как растущее и градуируемое чувство. Это чувство располагается в душе человека, и чем глубже его локализация, тем оно интенсивнее. Среди различных мотивов обиды говорящие, как правило, выделяют *самое обидное*. Ранее отмечалась двойственность внутренней формы обиды. Такой же двойственной оказывается и ее метафоризация. С одной стороны, обида

предстает как тяжелое, глубокое и растущее чувство (ср.: *обиде не было предела*). Ее образным пределом оказывается смерть¹ (ср.: *смертельная обида*). С другой стороны, – обида может быть и *мелкой*, хотя такая оценка предполагает внешнюю по отношению к обиженному позицию: свои обиды² мелкими не бывают.

Если в плане языковой метафоризации, например, страха душа уходит в пятки, то обида «гнездится в глубине души». Именно с этой метафоризацией связан такой интенсификатор обиды, как – *глубокая*. Самой же частотной ассоциацией слова *обида*, судя по данным Русского ассоциативного словаря, является определение – *горькая*. Затем по мере убывания частоты ассоциаций располагаются такие образные определения: *кровная, большая, глубокая, жгучая, нестерпимая* [6]. В физиологических реакциях на обиду числится и чувство холода (*от обиды холодеет тело*), и действие, подобное огню (*обида душу жжет, вспыхнуть от обиды*), и болевые ощущения (*боль обиды, не затянувшаяся рана от обид*), и дрожание голоса, и слезы, и вспыхнувший румянец, и надутые губы. Нарратив обиды встраивает это чувство в ряд смежных: *боль-горе-обида; обида-злоба-ненависть, обида-отчаяние-растерянность*. Характерная для русского языка метафоризация чувства как жидкой субстанции реализуется в сообщениях о последствиях обиды: ее *выплескивают* в словах.

Именно так начинает разворачиваться дискурс обиды. Высказывание обид, претензий и упреков в неуважении и предвзятом отношении, как правило, приобретает конфликтный характер. Разрешение конфликта происходит в семантических параметрах: *обида – прощение*, но может откладываться или вообще не получить разрешения. Такие случаи описывают выражения типа *таить обиды, тайная обида, копить обиды*. Обида, которая не получает разрешения вообще, рождает горечь. Эта метафора может стать сюжетом жизни.

Для дискурса обиды, как и для любого другого чувства, важным оказывается ее интенциональный аспект. Правила деликатности и такта предписывают субъекту избегать

¹ Буквальное значение этой метафоры реализуется в фабуле рассказа М. Шолохова «Обида».

² Рассказ В. Шукшина «Обида» частично об этом.

всего, что может вызвать у партнера отрицательные эмоции или неприятные ощущения. Участники коммуникации прогнозируют возможность причинения обиды, о чем свидетельствуют такие словосочетания, как *невольно (ненароком) обидеть*, с одной стороны, и разъяснительные метакоммуникативные реплики, используемые в диалоге: «*не в обиду будет сказано*», «*не хотел (а) вас обидеть*», и в мыслях не было обижать», реплики, упреждающие реакцию обиды: «... скажу, только не обижайтесь», и реплики, подтверждающие самоконтроль: «*стараюсь никого не обижать*», «*стараюсь за собой следить и не обижать...*», а также внутренний конфликт интенций: «... и обижать не хочу, и правду сказать хочется». Нередко такие метатекстовые фрагменты только визуализируют намерения говорящего подвергнуть Другого острой критике или обратить его внимание на неловкие вещи. В таком случае сталкиваются разные ценностные установки участников ситуации: обидчик ориентируется на безусловную ценность Правды (*не могу молчать*), а обиженный утверждает свои права в ориентации на Справедливость и Деликатность в отношении к себе и к Другому, (*мог бы и промолчать*). И тот и другой концепт играет исключительно важную роль в аксиологии русской языковой лингвокультуры. Особое внимание к тем планам общения, которые могут каузировать обиду, перегружают диалог прагматическими смыслами и наделяют его особой нравоучительностью. Все эти планы не исчерпывают содержания концепта, но позволяют сделать такие выводы.

1. Национальная специфика русского концепта ОБИДА подтверждается сопоставлением объема смысла слов-репрезентантов с данными украинского языка. В русском

языке значения «обиды» и «оскорбления» концептуально разведены: ОБИДА связана с концептом СПРАВЕДЛИВОСТЬ и опосредованно – с концептом ПРАВДА, а в украинском – с концептом ДОСТОИНСТВО. В украинском языке группа слов, связанных со значением «обида», не является однокоренной и объединяет слова разного происхождения. В украинском слове ОБРАЗА, этимологически связанном с польским языком, значения обиды и оскорбления разграничиваются в контексте. Отдельные, важные для русской лингвокультуры смыслы выражаются в украинском языке словами с корнем КРИВ- (КРИВДИТИ, КРИВДА, КРИВДНИК). Эти слова позволяют актуализировать смысл СПРАВЕДЛИВОСТЬ, аксиологически важный не только для русских, но и для украинцев. Русское же слово КРИВДА связано только с мифопоэтическими смыслами.

2. Образная составляющая концепта является общей для русского и украинского языков. Небольшие различия связаны с тем, что в украинском языке образные определения позволяют дифференцировать значения обиды и оскорбления в объеме понятия, а в русском языке они формируют отдельный от логического содержания метафорический «нарратив». Общий метафорический код связан с единым генетическим источником русского и украинского языков.

3. Речеповеденческие акты, связанные с дискурсом обиды, в русском и украинском общении организованы подобно. Дискурс обиды в обоих случаях содержит развернутый метапрагматический комментарий. Такая дискурсивная практика отражает незначительную роль этикетных форм общения в сложившихся стереотипах поведения людей, объединенных общей историей.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. // Ю. Д. Апресян. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.
2. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Т. II // — М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — С. 583—584.
3. Зализняк Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // — М. : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
4. Зализняк Анна А. О семантике шепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк // Логический анализ языка. Языки этики. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 101—119.
5. Левонтина И. Б. За справедливостью пустой / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки этики. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 271—281.
6. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова // Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реак-

ции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I // — М. : «Помовский и партнеры», 1994. — 224 с.

7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз., Под. ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. // — М. : Рус. яз., 1986. — Т. 2. К—О. — С. 750.

8. Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.: У 2 т. / Укл.: Д. Г. Гринчишин, У. Я. Єдлінська, В. Л. Карпова, І. М. Керницький, Л. М. Полюга, Р. Й. Керста, М. Л. Худаш // — К.: «Наук. думка», 1977—1978. — Т. 2: Н — (5827 слів) / Ред. тому: Л. Л. Гумецька, І. М. Керницький. / — К.: «Наук. думка», 1978. — 592 с.

9. Словник української мови: в 11 т. / за ред. І. К. Білодіда / — К.: «Наук. думка», 1973. — Т. 4 — 506 с.

10. Словник української мови: в 11 т. / за ред. І. К. Білодіда / — К.: «Наук. думка», 1973. — Т. 5 — 839 с.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер / Пер. с нем. и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стереотип. В 4 т. // — М.: «Прогресс», 1986. Тома I—IV.

12. Етимологічний словник української мови: В 7 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. — К.: Наук. думка, 1983. — Т. 3 / Укл.: Р. В. Болдирєв та ін. — 1989. — 552 с.

УДК 811.161.2'42

Р. Л. Сердега

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Деякі специфічні явища, спостережені у складі повір'їв, виражених реченням

Сердега Р. Л. Деякі специфічні явища, спостережені у складі повір'їв, виражених реченням. Повір'я — це одна з найдавніших форм духовного освоєння світу, яка цілком заслуговує серйозного ставлення і відповідного дослідження з боку вчених різних гуманітарних напрямків — етнографів, культурологів, міфологів, фольклористів і лінгвістів зокрема. У статті розглядаються повір'я, виражені реченням. Основна увага приділяється деяким специфічним явищам, що в них зустрічаються. Це, зокрема, явище заміни негативної мотивації позитивною, антонімія прогнозованих наслідків, подвійна мотивація, явище полімотивованості.

Ключові слова: *повір'я, подвійна мотивація, явище полімотивованості, антонімія прогнозованих наслідків, явище заміни негативної мотивації позитивною.*

Сердега Р. Л. Некоторые специфические явления, наблюдаемые в составе поверий, выраженных предложением. Поверье — это одна из древнейших форм духовного освоения мира, которая вполне заслуживает серьёзного отношения и соответственного изучения со стороны учёных разных гуманитарных направлений — этнографов, культурологов, мифологов, фольклористов, лингвистов. В статье рассматриваются поверья, выраженные предложением. Основное внимание уделяется некоторым специфическим явлениям, которые в них встречаются. Это, например, явление замены негативной мотивации позитивной, антонимия прогнозируемых последствий, двойная мотивация, явление полимотивированности.

Ключевые слова: *поверье, двойная мотивация, явление полимотивированности, антонимия прогнозируемых последствий, явление замены негативной мотивации позитивной.*

Serdega R. L. Some specific phenomena that are observed in beliefs expressed in sentence. Belief is one of the oldest forms of spiritual word perception, which truly deserves a serious treatment and corresponding scientific study of different humanitarian fields, such as: ethnography, culturology, mythology, folklore and linguistics. The present paper deals with beliefs expressed in sentence. The main attention is drawn to some specific phenomena that can be found in these beliefs. For instance, it can be substitution of the negative motivation to positive one, antonymy of predictable circumstances, double motivation and phenomena of polymotivation.

Key words: *belief, double motivation, phenomena of polymotivation, antonymy of predictable circumstances, phenomena substitution of the negative motivation to positive one.*